

Богданович Г.Ю. ЕЩЕ РАЗ О ДИСКУРСЕ И ТЕКСТЕ

Языковая природа сознания сводит весь универсум культуры к набору дискурсивных практик, а порождаемые при этом тексты воспринимаются как коренные феномены человеческого существования.

По свидетельству ученых, дискурс одной своей стороной обращен к внешней прагматической ситуации, другой же – к ментальным процессам субъекта: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям понимания и порождения речи [6]. Таким образом, можно говорить о «вплетенности текста в жизненную ситуацию, о дискурсе как речи в контексте субъективной реальности и объективной действительности, речи, погруженной в жизнь, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент взаимодействия людей и механизмов их сознания. Категория дискурса фиксирует результат взаимодействия внешней действительности, внутренней психической реальности и знаково-символической системы, дающей описание первой, преломленное через вторую» [6, с. 80].

Что же такое дискурс? «Дискурс (от фр. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах).

Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс» в отличие от термина «текст» не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [12, с.136-137].

Контекст дискурсов моделируется в форме фреймов (под которыми понимаются типовые ситуации) или сценариев (описывающих развитие этих типовых ситуаций). Поэтому для разработки теории дискурса особую значимость приобретает изучение фреймов и сценариев, с одной стороны, а с другой, обращение к ментальности, точнее, к ментальным процессам участников коммуникации. Если под текстом понимать преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, то дискурс будет представлен различными видами ее актуализации, рассматриваемыми с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами [4]. Анализ дискурса следует понимать как междисциплинарную область знания, которая может быть выполнена в основном описательным или экспериментальным методами.

Дискурс-анализ обращает особое внимание на специфические правила ведения коммуникации в условиях публичной политики, этнометодологическое изучение дискурса предполагает обращение к культурной составляющей общения.

Дискурс может рассматриваться как совокупность дискурсивных практик, т.е. тенденций в использовании близких по функции альтернативных языковых средств выражения определенного смысла.

Научный дискурс сплошь интертекстуален, целиком покоится на «чужом слове», и это качество в традиционном подходе получает отражение в выделении «языка науки». Герметичным является и официально-деловой дискурс, вполне оконтуренными «коммуникативными фрагментами» наделен и дискурс публицистический [10, с.61]. Не случайно В.В.Виноградов считал функциональные стили языковыми. Исходя из языковой практики повседневного общения и мышления, строит, в первую очередь, лингвистику языкового существования Б.М.Гаспаров, напоминая, что разговорный дискурс отмечен среди других стратегий забвения, так что «ассоциативный фон», если он возникает, связан скорее не с текстами, а с конкретными ситуациями, входящими в личный ресурс носителя языка, так что сами по себе коммуникативные фрагменты, составляющие плоть обыденной разговорной речи, в той же степени «чужие», сколь и «ничьи» [10, с. 61]. «Однако сложнее обстоит дело, - отмечает О.Г.Ревзина, - с той интертекстуальностью, которая выходит за пределы коммуникативных фрагментов и в минимальной степени опирается на конкретную материальную форму, например определенные синтаксические структуры, сюжетно-повествовательные схемы, даже ритмические структуры» [10, с.61].

Языковое сознание не может рассматриваться как единый шаблон, одинаковый у всех носителей языка. При том, что существуют общие закономерности работы языкового сознания, «личностный фактор» всегда сохраняется и для интертекстуальности он особенно важен, так как сама интертекстуальность – и на бессознательном, и на сознательном уровне – основывается всегда на индивидуальном фоне знаний.

В связи с этим возможно выделить общие закономерности языкового мышления и бытового дискурса в социуме. Таковыми являются: 1) языковое высказывание, предназначенное для передачи исходной информации о мире; 2) семантическая интерпретация текста, которая является следствием освоения языкового сообщения (текста): вербальные структуры текста подвергаются трансформациям различного уровня обобщения и выступают как семантические эквиваленты отдельным высказываниям или частям высказываний, отдельным текстовым фрагментам.

Кроме того, жизнь в дискурсе формирует в сознании языковой образ, основанный на весьма общих характеристиках, нередко просто частотных для данного и подобных данному в том или ином отношении текстов.

Все интертекстуальные процессы делятся на неосознаваемые и осознаваемые (реализуемые прежде всего в художественном дискурсе). Независимо от этого параметра лингвистика интертекстуальности имеет дело со следующими процессами [10, с.62]: а) для описания говорящий (пишущий) может построить собственное высказывание либо воспользоваться имеющимся в его памяти готовым высказыванием – цитатой. При этом изменяются прагматические переменные высказывания, а также возможны изменения

по категориям, определяющим парадигму предложения; б) говорящий строит свое высказывание в соответствии с цитатным материалом, что нередко сопровождается овеществлением переносного смысла цитаты и демегафоризацией; в) говорящий пользуется «цитатными осколками» для заполнения отдельных семантических блоков в высказывании, и данная техника по своему существу предполагает отрыв от целостного высказывания и его прагматических характеристик. В этом случае «цитатный осколок» с самого начала уподобляется коммуникативному фрагменту; г) говорящий обращается к одной из трансформаций, возникающей в результате семантической свертки текста, тогда устойчивые коммуникативные фрагменты и тем более цитаты вовсе отсутствуют, но в подобном случае видны формы распространения текста – и текстов – в пространстве интертекста; д) говорящий (пишущий) опирается на черты, относящиеся к языковому образу текста в языковом сознании, и переводит их в собственный текст как сигналы интертекстуальности.

Человек живет в мире текстов. Тексты эти разнообразны по содержанию, по жанрам, тематическим сферам, объему, необходимости многократного обращения к ним или разовому их использованию, а также по большому числу иных своих характеристик. Тексты понимаются нами не только как лингвистический, но и как социально-психологический и культурный феномен. Культура при этом рассматривается не просто как смежная с лингвистикой наука, а как феномен, без глубокого анализа которого нельзя постичь тайны языка и текста.

Под художественным текстом нужно понимать коммуникативно-направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе восприятия [9, с.15].

С коммуникативной и психологической точки зрения текст всегда создается для кого-то, и даже его создание, «с целью самовыражения», является текстом с коммуникативной направленностью. Повседневному общению так же, как и литературной коммуникации, «присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный эффект (эстетическое воздействие)» [1]. Таким образом, всякий текст нуждается в читателе (слушателе), и в этом сказывается диалогическая природа сознания как такового: «Чтобы работать, сознание нуждается в сознании, текст – в тексте, культура – в культуре» [8, с.10].

Коммуникация – это особая форма человеческой деятельности. Ключевым понятием коммуникативной лингвистики является понятие деятельности. Именно в коммуникации с наибольшей полнотой и глубиной раскрываются онтологические свойства языка и текста. А текст – это динамическое коммуникативное образование высшего порядка. В процессе коммуникации текст как бы раздваивается на текст автора и текст реципиента (воспринимающего), хотя материальная форма текста здесь едина. Отсюда и возможность двоякого его изучения.

Интенсионная понятия «текст» включает в себя такие необходимые метаединицы, как «целостность» (цельность) и «связанность» (Т.М.Николаева). Квалификация текста как художественного требует дополнительных характеристик. Это «динамика смыслообразования» в концепции Ю.М.Лотмана и «интерпретативность» Г.-Г.Гадамера, рождающая «текст-чтение» в концепции Р.Барта [2]. Но и эти характеристики представляются производными от базового свойства художественного текста, которое можно назвать «авторреферентностью» [11, с.18-20].

Авторреферентность художественного текста проистекает из его сложных отношений с объективной действительностью, преломленной действительностью субъективной – сознанием автора. Состоит она в том, что референт художественного текста находится внутри его и представлен в форме виртуального означаемого, нелинейного (симультанного) по своей природе. Художественный текст «сам себя зиждет» [2].

Филологическая интерпретация художественного текста отличается от собственно лингвистической и литературоведческой. Интерпретация базируется на понимании текста и является вербализацией его толкования.

Для построения теории понимания художественного текста важным является, с одной стороны, соблюдение герметичности текста, т.е. запрет на привнесение в текст тех смыслов, которые являются результатом не мотивированных единицами текста ассоциаций, с другой – признание текста самодостаточным квантом дискурса. Будучи принципом научного подхода к объекту анализа, дешифровка текста существует с его интерпретацией читателем, подобно тому как в культуре, наряду с научной, существует и наивная, обыденная картина мира, которая не оценивается с позиций правильности, а описывается в режиме констатации.

В качестве метода моделирования художественного текста может быть предложено построение текстовых парадигм, гипертекстовых (сверхфразовых) по своей сути, отражающих нелинейные ходы воспринимающего сознания по тексту и создающих семантические пространства двух типов: с логическим и сублогическим основаниями. В основе сублогических текстовых парадигм лежат две формы подобия: «аналогия» и «симпатия» (М.Фуко). Эмоциональное переживание субъектом различных вещей позволяет построить текстовые парадигмы, центром которых является эмоционально-оценочный предикат (аксиологические парадигмы).

Текстовая деятельность все более кристаллизуется в самостоятельный вид деятельности с «внутренними», реализуемыми в рамках знакового общения мотивами и целями коммуникативно-познавательного и эмоционального свойства. Реализация названных мотивов и целей той материально-практической деятельности, с которой текстовая деятельность соотносится, осуществляется порой не непосредственно, а в

крайне опосредованной форме [4].

Текстовая деятельность (по П.Я.Гальперину) трехфазна: 1) ориентировка, состоящая в специфической по содержанию и направленности интеллектуально-мыслительной активности, предполагающей осмысление проблемной ситуации общения и предмета коммуникации – коммуникативного намерения (замысла общения), мотивирующего текстовую деятельность, диктующего содержание и структуру планируемой к реализации в тексте коммуникативно-познавательной программы. Представляется разумным, что такое осмысление включает в себя соответствующее эмоциональное переживание и оценку. (Таким образом, процессуальное содержание ориентировочного этапа текстовой деятельности не совпадает с процессуальным содержанием аналогичного этапа речевой деятельности, которая, согласно психолингвистической теории, практически сводится к поиску речевых средств на послезамысловой фазе текстообразования). Сюда же входит поиск путей и способов наиболее адекватного воплощения коммуникативного замысла и отвечающей ему «аргументации»; 2) исполнение, состоящее в материализации общения с привлечением средств той или иной семиотической системы (языка); 3) коррекция (контроль), состоящая в отработке как самого замысла общения, так и способа его материализации в тексте [3].

Предметом текстовой деятельности является коммуникативная интенция обучающихся, т.е. не смысловая информация вообще, а смысловая информация, цементируемая замыслом, коммуникативно-познавательным намерением. В качестве мотива – цели текстовой деятельности может рассматриваться стремление к реализации определенного, т.е. поддающегося содержательной интерпретации, коммуникативно-познавательного намерения (интенции, замысла), а в качестве действий могут рассматриваться конкретные акты осмысления и операции с применением мнемостических средств (т.е. средств памяти), с одной стороны, и средств предцирования, т.е. выражения с использованием того или иного конкретного языка, - с другой.

Восприятие текста как речевой единицы (а также его тематической структуры) идет через осознание его как комплексного речевого акта со всеми его компонентами: участниками текстовых событий, их мирами, взаимоотношениями и взаимосвязями.

Косвенно к этому миру на самом верху его иерархической пирамиды относится автор и его мир. При восприятии текста, известно, выявляются такие компоненты речевого акта, как время и место событий. А на заключительном этапе за вербальными оболочками осознаются иллюкативные смыслы, т.е. те цели, которые ставятся, решаются и достигаются в рамках текстовой реальности и с какой степенью интенсивности они реализуются в вербальной и просодической структурах. Современная теория текста выявила основные текстовые категории, реализующие указанные выше компоненты, это в первую очередь категория антропоцентричности.

В научном лингвистическом тексте связь с человеком опосредована и обобщена, проявляется в интертекстуальном плане, в так называемом горизонтальном тексте. «Другие компоненты текстового речевого акта реализуются в категориях темпоральности, проспекции, ретроспекции (время), текстовом континууме (пространственно-временной план, хронотоп). Иллюкации и их интенсивность реализуются через категории модальности (прагматичности), цельности и завершенности, когезии и когерентности. Завершает пирамиду категория информативности как прагматически ведущая, поскольку целью чтения любого текста является извлечение информации о мире, включающей миры, существующие в ментальной сфере людей» [7].

Информативность определяется как прагматически ведущая потому, что она как бы вбирает все иллюкации, центром которых является авторское видение мира. Известно, что авторский замысел не выражается эксплицитно. Его выявление – результат сложной ментальной работы. Читатель, знакомясь с текстом, сопоставляет изображаемое в его сознании с фреймами и сценариями, относящимися к описываемому фрагменту мира [7].

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Событие. Оценка. Факт. – М., 1988.
2. Гадамер Г.Г. Истина и метод: Основы философии герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. - 699 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.- 385 с.
4. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике (когнитивные аспекты). – Вып. XXIII. – М.: Прогресс. – 1988. – 315 с.
5. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
6. Калина Н.Ф., Черный Е.В., Шоркин А.Д. Лики ментальности и поле политики. – К.: Агрпромовидав України, 1999. – 184 с.
7. Кисловская Е.Н. Тематическая емкость текста и его когнитивная обработка. – <http://www.tsu.tmn.ru/frgf/No7/text4.htm>.
8. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. – Вып.ХІУ. Тарту, 1981.
9. Маслова В.А. Филологический анализ художественного текста. – Минск: Універсітэцкае, 2000. - 173с.
10. Ревзина О.Г. Лингвистические основы интертекстуальности // Текст. Интертекст. Культура: Материалы международной научной конференции. / РАН, Институт русского языка им.В.В.Виноградова. – М.: Азбуковник, 2001. – 192 с.

11. Чернейко Л.О. Художественный текст как объект филологической интерпретации // Текст. Интертекст. Культура: Материалы международной научной конференции / РАН, Институт русского языка им.В.В.Виноградова. – М.: Азбуковник, 2001. – 192 с.
12. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.